

РАЗГОВОРЫ ОБ ИВАНЕ ТУРГЕНЕВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Независимая газета. — 1998.
— 20 нояб. — с. 12

В связи со 180-летием со дня рождения

Сергей Шаповал

— КАК БЫ вы определили место Тургенева в классической русской литературе?

— Если попытаться представить русскую литературу в виде русского пейзажа, то мы увидим там толстовские поля, заросшие лебедой и крапивой, жуткие овраги Достоевского, извилистые тропинки Лескова, придорожные валуны Гончарова, болота Гоголя, Тургенева же я вижу в виде перелеска. Проще говоря, без Тургенева русский литературный пейзаж ничего не потерял бы.

— Могли бы вы вспомнить свои первые впечатления от прочтения Тургенева?

— Впечатление было тяжелое. Возникло ощущение попадания в вязкий повествовательный мед, из которого очень тяжело выбраться. К счастью, до Тургенева я прочел Гоголя и Толстого. Большинство персонажей Тургенева мне казались картонными, описания природы чрезвычайно затянутыми и неоправданно подробными. Вообще, проза Тургенева вызвала привкус патоки, пожалуй, единственная книга, которая меня сильно не раздражала, были «Записки охотника». Я читал ее в то время, когда сам увлекся охотой в русской провинциальной глуши, и интерес охотника и этнографа пересиливал интерес литературный. Не так давно я попытался читать эту книгу и не смог.

— Каждый крупный русский писатель воплотил в своем творчестве какую-либо черту национального характера. Какая, по-вашему, связана с именем Тургенева?

— Я думаю, непоследовательность. Понача-

лу кажется, что и Тургенев, и Гончаров как нельзя лучше передают коренную русскую черту — созерцательный азиатский аутизм, именуемый русской ленью. Но это только на первый взгляд. Если главный герой романа Гончарова «Обломов» — стопроцентный русский аутист, то большинство тургеневских героев просто хронически непоследовательны, они отличаются непоследовательными мотивациями и сюжетными разрешениями. Набоков подметил черту всех мужских характеров в тургеневских романах: неспособность адекватно завершить свою судьбу, проще говоря, состояться. Почти все мужские и женские персонажи Тургенева несостоятельны.

— Некоторые критики в качестве характерной тургеневской черты выделяют его манерность...

— Для меня Тургенев не самый заметный манерист в русской литературе. Вообще, любая попытка литературными средствами XIX века передать диалог двух людей или монолог человека сильно отдала манерностью и неестественностью. Достаточно вспомнить диалоги в романах Достоевского, которые при чтении вслух не влезают в нормальный человеческий рот. В этом смысле Тургенев не манернее других писателей XIX века.

— В предисловиях к изданиям Тургенева часто пишут о том, что он был властителем дум. Интересен ли вам с этой точки зрения?

— Тургенев не был властителем дум масштаба Некрасова или Чернышевского, роман которого сумел перепахать такого циничного человека, как Ленин. Тургеневу выпала кратковременная честь участвовать в создании русского литературного языка, чем он себе и обещал бессмертие. Но Тургеневу очень хотелось быть актуальным писателем, отража-

Дни Тургенева, приуроченные к 180-летию со дня его рождения, с размахом отмечались как на Орловщине, так и в Москве. К знаменательной дате заложили камень для памятника писателю и открыли новое здание Библиотеки-читальни, носящей его имя в Бобровом переулке. (Библиотека эта была основана в 1885 году, а в 1972-м здание на пересечении Мясницкой и Сретенского бульвара снесли.) Дни Тургенева включали в себя выставки, научные конференции, фестиваль «малой прозы», автобусные экскурсии и т.п. Хотя писатель родился в Орле, предки его были коренными москвичами — их фамильные некрополи находятся в Новодевичьем и Донском монастырях. Иван Тургенев учился в частном пансионе на Сивцевом Вражке, а в 1833 году, не достигнув 15 лет, за незаурядные способности был принят на словесное отделение Московского университета. (Биографы Тургенева насчитывают более 50 его московских адресов.)

Телеканал «Культура» показал передачу «Тургенев и Виардо» и фильм «Рудин» в постановке Константина Воинова (1976). Это одна из наиболее удачных экранизаций произведений Тургенева, в чем немалая заслуга актеров: Олега Ефремова, Армена Джигарханяна, Лидии Смирновой, Ролана Быкова, Жанны Болотовой и других. Вообще существует более 20 экранизаций сочинений Тургенева. Практически по всем его романам были поставлены фильмы, а к некоторым — как, например, к роману «Накануне» — режиссеры обращались не раз. Андрей Кончаловский создал экранную версию романа «Дворянское гнездо». Анатолий Эфрос поставил вольную вариацию повести «Вешние воды», включив в нее элементы хореографии. В числе работ режиссера Романа Балаяна — лента по рассказу «Бирюк» с Олегом Борисовым в главной роли. Своеобразную экранизацию повести «Муму» представил в этом году Юрий Грымов. Сергей Соловьев, в свою очередь, ставит художественный фильм об истории взаимоотношений писателя с Полиной Виардо. (Правда, пока работы над проектом приостановлены из-за финансовых трудностей.)

Современные писатели тоже держат Тургенева в фокусе своего пристального внимания. Так, Евгений Попов (р.1946) написал римейк романа «Накануне». (Помните? Молодая Россия в лице Елены Стаховой, революционер Инсаров и т.д.) и назвал его «Накануне накануне». Вместо Инсарова там действует диссидент Инсанахоров, в результате чего роман отказались печатать московские «толстые» журналы, и он вышел в саратовской «Волге» (1993, № 4). А Владимир Сорокин (р.1955), после «закрытия» языка советской цивилизации, пошел вглубь и принял за золотой наш XIX век... Его роман под квазипростым названием «Роман» (М., 1994) создает изощренную стилизованную иллюзию русской прозы, и прежде всего, конечно, прозы тургеневской.

В эти юбилейные дни мы попросили наших прозаиков рассказать читателям «НГ» о «своем Тургеневе».

началу перестройки. Я думаю, жизнеспособность их объясняется неуверенностью в себе советских мужчин, нуждающихся в подобных образах. В реальности циничная, психологически полиморфная, полусумасшедшая русская женщина не имеет ничего общего с тургеневскими героинями.

— Выходит, что Тургенев стоит у истоков соцреализма?

— Тургенев — один из главных камней в фундаменте соцреализма. Его романы делались по жестким умозрительным схемам, в которых прослеживаются общие черты и схожие конструктивные принципы с советскими образами соцреализма. Как ни странно, роман Чернышевского «Что делать?» в меньшей степени схематичен, чем «Отцы и дети». У Чернышевского больше произвола и импровизации, чем у Тургенева.

— Многие критики писали о существенном присутствии творчества Тургенева в вашем «Романе». Вы действительно так серьезно его учитывали?

— Когда я писал «Роман», я думал не о Тургеневе, а о некоем вымышленном провинциальном литераторе, пишущем «правильный русский» роман. Этот литератор брал от всех русских классиков понемногу, но от Тургенева, вероятно, больше. В тургеневской прозе меня поражало умение омертвить русский пейзаж. Русский пейзаж, описанный языком Ивана Сергеевича, — это как бы покрытый застывшим медом кусок природы. Этот мертвый мед описания — фирменный знак Тургенева. Вероятно, этим он и отличается от других русских классиков. Когда я писал «Роман», я часто плавал в этом меду.

— Будь ваша воля, вы оставили бы Тургенева в школьной программе или изъяли?

— Безусловно, оставил бы. Но не картонных «Отцов и детей», а живые «Записки охотника» и непредсказуемо необязательное «Дворянское гнездо».

— КАКОЕ место в русской литературе, по-вашему, занимает Тургенев?

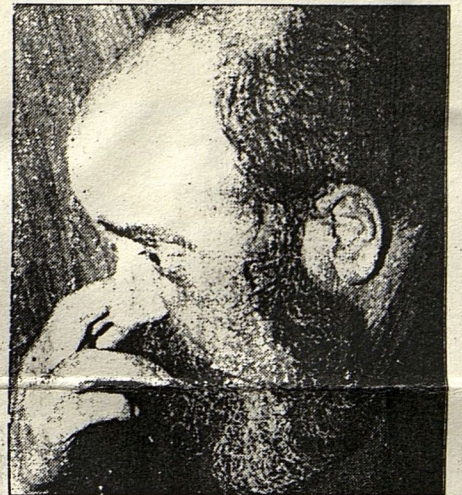
— Если бы я выстраивал фотографический портрет русских прозаиков XIX века, то в первом ряду у меня стояли бы Гоголь, Достоевский, Толстой и Лесков, а Тургенев расположился бы у их ног. Ни глубин, ни высот стиля и духа он не достиг, но тем не менее он — крупный писатель.

— Какую черту русского национального характера удалось выразить Тургеневу?

— Разрыв между желаниями и практическим их исполнением. Все его персонажи чего-то хотят, много об этом говорят, но куда не двигаются. (С другой стороны, может, и хорошо, что они ничего не делали: как только они взялись за дело, наступил 1917 год.) Воплощение этой черты нашло свое продолжение. Например, во многих рассказах Хармса. Но окончательную и наиболее емкую ее формулировку дал не литератор, а наш бывший премьер-министр Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Эта формула могла бы быть эпиграфом ко всему творчеству Тургенева, а может быть, и к жизни.

— В таком случае Тургенева можно рассматривать как одного из предшественников литературы абсурда?

— Это сильное допущение, которое кого-то может обидеть, но в какой-то степени так и есть. Например, Гончаров, изображавший ту же черту нашего национального характера, что и Тургенев, был более последователен: у

Евгений Попов, автор романа «Накануне» (1993).
Фото Владимира Богданова

во Францию и так далее. Я вижу, что временами он подвывает, но тем не менее мне стало интересно. Так я одолел все собрание сочинений.

Идея моего романа «Накануне накануне» возникла от нового столкновения с Тургеневым.

«С Тургеневым нужно общаться», — считает Евгений Попов

него Штольц и Обломов четко разведены. У Тургенева же и Штольц, и Обломов находятся в одном человеке. А это и есть прямой путь к абсурду.

— Почему при написании романа «Накануне накануне» вы обратились именно к творчеству Тургенева?

— Здесь необходимо углубиться в мои взаимоотношения с Тургеневым. В школе его изучали много (ведь сам Ленин похвалил!), но для меня это было скучное чтение, хотя бы потому, что к тому времени я прочитал «Записки из подполья» Достоевского. Знакомства не состоялось. Спустя годы я, как советский инженер, был послан на картошку в деревню Глядень Назаровского района Красноярского края. Мы жили в бараке человек на сорок, в одном углу пьянствовали, в другом — трахались и прочее, а я в это время читал Тургенева. В сельской библиотеке оказалось два собрания сочинений — Ленина и Тургенева, я естественно, выбрал второе. Началось чтение с преодоления неестественного, сильно офрануженного русского языка, что кстати тоже сблизило его с абсурдизмом. Вот один из сюжетов для изучения. Я считаю, что Тургенева ни в коем случае не надо сбрасывать с «парохода современности», с ним нужно общаться.

— Так стоит ли по-прежнему изучать Тургенева в школе?

— Конечно, стоит, но не в таком объеме и не так, как это делалось раньше. Кроме перемены в общественно-политическом анализе стоит обратить внимание на другие аспекты. Например, в свой роман я вставлял без изменений небольшие куски из «Накануне», так вот редактор на полях рядом с тургеневским текстом, думая, что это я закривлялся, написал: «Так по-русски не говорят». У Тургенева ведь неестественный, сильно офрануженный русский язык, что кстати тоже сблизило его с абсурдизмом. Вот один из сюжетов для изучения. Я считаю, что Тургенева ни в коем случае не надо сбрасывать с «парохода современности», с ним нужно общаться.

Владимир Сорокин, автор романа «Роман» (1994).
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Шарж В.И. Порфирьева. 1881 год.